

Наша встреча с Эдуардом Лимоновым прошла в штаб-квартире его партии в Северной столице. В помещении, где проходило интервью, висели флаги ДНР и ЛНР. Вдоль стен стояли коробки с медикаментами, которые в ближайшее время отправятся в Новороссию (на востоке Украины воюют два отряда нацболов). Поэтому, естественно, в нашем разговоре мы затронули не только литературные темы.

**КОРРЕСПОНДЕНТ
«ВП»
ПОБЕСЕДОВАЛ
С ПИСАТЕЛЕМ,
КОТОРЫЙ
ПРЕЗЕНТОВАЛ
В ПЕТЕРБУРГЕ
СВОЮ НОВУЮ
КНИГУ**

Эдуард Лимонов: Учите историю и уважайте себя

— Эдуард Вениаминович, ваш новый роман «Дед» — о чем?

— Это портрет художника в пожилом возрасте. Не хочется говорить «в старости». У Джойса есть «Портрет художника в юности», а тут — в 71 год. И это интересно, потому что герои литературных произведений, как правило, — люди молодые. «Дед» — нестандартная книга. Это и памфлет. И лирика. И тюремная проза вроде «Одного дня Ивана Денисовича». Описание нескольких будничных дней в спецприемнике ГУВД — маленькой тюрьме.

— В аннотации к книге говорится, что главный герой Дед — это такой странный парень, временами правильный, но все-таки странный. Что вы вкладываете в это понятие?

— Он чудак. Он сам себе в этом признается: ты чудаковатый, нестандартный. В то же время он наблюдательный, злой, дает окружающим уничижительные характеристики. Лишен различных предрассудков, так принятых у нас, и интеллигентских табу...

— А как вам в ипостаси Деда?

— Считается, что жизнь заканчивается в молодые годы. Где-то после тридцати или немногим позже. А я хочу показать, что она никогда не заканчивается! Или заканчивается только у тех, кто этого сам желает. А человек, если он позволяет себе быть молодым, в любые годы остается злым, энергичным, амбициозным.

— В своих работах вы ориентируетесь на читателя? Вам важен его отклик, мнение?

— Совсем нет! Свои книги я пишу не для того, чтобы поговорить с читателем. А когда возникает острая необходимость запечатлеть какое-то состояние. Читатель сам приспосабливается, если хочет.

— Практически в каждом своем выступлении сегодня вы касаетесь Украины, необходимости независимости Новороссии...

— Естественно. Нынешняя Украина состоит из нескольких сшитых наскоро кусков. Западная Украина, прожившая

большую часть своей судьбы с Польшей и Австро-Венгрией, не имеет ничего общего с тем же русским Донбассом! Украина, знаете, — как невеста, которая пришла к России голая и босая, а ушла с богатым приданым. То же и с Грузией: в 1777 году она вошла в состав Российской империи, будучи фактически Кахетией. Поэтому слушайте, ребята, если вы такие правильные, оставьте все это наследство, оно вам не принадлежит.

— Детство и юность вы прожили в Харькове. А в те годы вам приходилось сталкиваться с тем самым украинским национализмом, который мы сегодня наблюдаем?

— Нет, ни разу. В Харькове в советское время выходили две газеты на украинском языке. Власть их создала, поливала, окучивала, обхаживала. Но их никто не покупал. Это было признаком дурного тона, сельской дремучести. Украинскую культуру пытались насильственно культивировать. Со второго класса нас, например, начали обучать украинскому языку. Тем не менее можно было целый день проходить по огромному Харькову и не услышать ни слова украинской речи.

— Вы много лет прожили на Западе. И в своих публикациях характеризуете его совсем не лестно, особенно в свете последних событий...

— Я прожил там 20 лет и прекрасно знаю, что такое западное общество. Я зарабатывал там деньги, писал книги, участвовал в политических движениях, переизучился с тысячами европейцев и американцев. И не устаю повторять: Запад — это не добрые голубоглазые парни, а очень опасные соседи! У меня нет по отношению к ним ненависти или злобы. Но есть презрение. За жадность, ложь, хан-

жество. За вечное стремление использовать остальной мир, поставить его на колени, прожить за чужой счет.

— А как вы относитесь к ярым критикам нашей, отечественной истории?

— Любые комплексы, любое самоуничижение для нас — безосновательны. Сравните историю любой страны с российской — и вы увидите, насколько наша история успешна! Да, у нас не всегда все складывалось хорошо и отлично. Но нигде никогда не складывалось все хорошо и отлично. В Западной Европе только в 60-е годы начало появляться то, что называют «просперити» — состояние. В 80-е годы, когда я жил в Париже, там царил хаос! Чудовищные здания, старая сантехника, один туалет на весь этаж, дорогая горячая вода в кипящих баках. Уровень жизни был крайне низким! Поэтому представления о том, что у нас все хуже всех, просто смешны. Сейчас мы живем на таком уровне, о котором многие могут только мечтать. Сумасшедшие разговоры, что у нас самая жестокая история, — это такой же миф. При Иване Грозном, на которого так пеняют, были казнены 4 тысячи человек. А

при английской королеве Елизавете — 83 тысячи! Или взять современность. В 1947 году французская армия, подавляя восстание на Мадагаскаре, убила 70 тысяч туземцев. Просто так! В начале XX века США, якобы освобождая Филиппины от испанского владычества, казнили 600 тысяч филиппинцев. Польша нас осуждает в заключении пакта Молотова — Риббентропа, но сама в 1935 году заключила точно такой же договор! О чем это говорит? Люди не знают историю! Давайте трезво оценивать происходящее. И уважать себя.

— И еще один вопрос: как часто вы бываете в Петербурге? Что стараетесь посетить?

— Бываю редко, раз в год. Петербург очень люблю. Обязательно стараюсь посетить Дворцовую площадь. Есть между Эрмитажем и Генеральным штабом какое-то завораживающее молчание. На мой взгляд, это единственное место в России, где настолько чувствуется русская государственность!

Беседовал Сергей ПРУДНИКОВ
Фото автора

ИЗ ЭССЕ «И ПЕРЕД НОВОЮ СТОЛИЦЕЙ ПОМЕРКЛА СТАРАЯ МОСКВА»

● «ВХОДЯ в двери питерской квартиры, никогда не знаешь, что за дверью — тусовочная комнатка три на три метра или же тусклый коридорчик в свежей алебастре выведет тебя вдруг в настоящий дворец со многими этажами и бальным залом. В Санкт-Петербурге каждая дверь ведет в балетную сказку».

● «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ создан одним сильным мечтателем, постоянным усилием, напряжением и воображением экстраординарным. Амстердам, с которого якобы «срисовал» Санкт-Петербург Петр наш Великий, — жалок, я был там четыре раза, в сравнении с Санкт-Петербургом!»